

ВЕЛИКОДУШИЕ

Месяц назад я побывал на маленьком русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, что в получасе езды от Парижа. Я стоял над могилой народного артиста РСФСР кинорежиссера Андрея Тарковского, который был доведен до отчаяния и после съемок фильма «Ностальгия» в Италии не вернулся на Родину. Через три года заграничной жизни он умер от рака. Я убежден, хоть я и не медик, что чудовищная раковая болезнь в зародыше гнездится в каждом человеке. Только в иных организмах она так и не успевает проснуться, проявиться. Тогда человек умирает от какой-нибудь другой хворобы. Думаю, что чудовищный стресс — как в случае с Тарковским его решение остаться на чужбине — создал благоприятное поле для развития смертоносной болезни, и она начала свой страшный захват...

Думаю, что когда у Александра Трифоновича Твардовского отняли любимый «Новый мир», это было столь сильным потрясением для великого поэта и гражданина, что злокачественная опухоль пробудилась и стала с ужасающей скоростью поглощать его богатейший организм. Еще раз повторяю, я не врач и могу ошибаться, но порой мне кажется, что мои предположения верны...

Я нашел на кладбище под Парижем свежую могилу русского писателя, лауреата Сталинской премии Виктора Платоновича Некрасова, автора замечательной книги «В окопах Сталинграда». Некрасов так и умер, не будучи советским гражданином. Я почтил минутой молчания и своего давнего товарища Александра Галича, поэта, драматурга, сценариста, который скончался в Париже подданным Норвегии. На черной мраморной плите, под которой похоронен Галич, золотом выгравировано:

«Блаженни изгнанны правды ради».

А ведь действительно, Александр Галич в своих песнях, которые в шестидесятых годах знала вся страна, которые кочевали с магнитофона на магнитофон, пел правду — трудную, жесткую, нежеланную, обидную. Союз писателей СССР запретил Галичу выступать со своими песнями перед публикой. В конце концов его исключили из Союза писателей и даже из Литфонда, устроив показательное судилище. Галич одним из первых почувствовал гнилое дыхание застоя и предупреждал об этом:

И не веря ни сердцу, ни разуму,
Для надежности спрятав глаза,
Сколько раз мы молчали по разуму,
Но не против, конечно, а — ЗА!
Где теперь крикуны и печальники?
Отшумели и сгнули смолоту.
А молчали вы в начале, вы,
Потому что молчанье — золото.

А дальше Галича исключили и из Союза кинематографистов, расторгли договоры, перестали печатать, ставить, экранизировать. Галича просто-напросто выжили за границу. Вскорости и его не стало...

Но перейдем от мертвых к живым. Тем более, что мертвые уже ничего нового, кроме того, что они сказали и сделали, не скажут и не сделают.

То, что создатель Театра на Таганке Юрий Любимов смог, хотя и по частному приглашению нынешнего главного режиссера театра Николая Губенко, приехать в Москву и при-

нять участие в репетициях «Бориса Годунова», говорит о невероятных сдвигах в нашем обществе. Но это, как я думаю, только первая стадия тех изменений к лучшему, которые явно происходят. С моей точки зрения, происходят медленнее, чем хотелось бы.

Приведу некоторые строчки из интервью Юрия Любимова в «Известиях» от 30 мая 1988 г. «Нужно сохранить здоровье ума, нужно сохранить теплоту сердца, нужно сохранить в себе добрые начала... Сейчас люди должны работать, а не разговаривать. Во имя того, чтобы история не повернула вспять. Кончилась эпоха болота, болото должно быть ликвидировано, чтобы мы не страдали от смрада и комаров. Для этого нужны общие усилия. Мы должны спасти свою страну, что и делают умные люди, каждую минуту делают, и нельзя быть в стороне...»

«Таганка» в шестидесятые и семидесятые годы была одним из немногих форпостов гражданственности, свободомыслия, мужества, борьбы против омертвления общества. И поэтому Любимов, положивший огромное количество сил на борьбу с бюрократией, имеет право так говорить. Хотя он сегодня и не гражданин Советского Союза.

А вот еще один пример нашего прошлого неразумия и бесхозяйственности. Из-за упрямства и высокомерия чиновников, из-за бесконечных придирок и унижений, из-за того, что Мстиславу Ростроповичу не дали возможности дирижировать в Большом театре, мы лишились крупнейшего музыканта, который сейчас руководит Вашингтонским оркестром в США.

Лозунг «Незаменимых нет!» порожден сталинской бюрократической системой, чтобы было легко уничтожить личность. А вот в сфере исполнительных чинуш действительно можно заменить почти любого. Благодаря этой чванливой «идеологии» мы потеряли сильных художников, писателей, музыкантов, обеднив нашу культуру. В искусстве подлинный талант всегда незаменим, ибо он неповторим, уникален, единствен.

Деятели нашего искусства, многие из которых оказались на Западе не по своей воле, должны быть приобщены к нашей жизни. Ведь не все из них, подобно Иосифу Бродскому, смогут стать лауреатами Нобелевской премии и благодаря этому хоть частично вернуться на Родину. Может быть, пора проявить добрую волю и благожелательство по отношению к тем, кто хочет сегодня вернуть себе советское гражданство. Эти таланты еще смогут пригодиться Отчизне. И надо понимать, что нелюбовь к Родине и нелюбовь к конкретным руководителям страны — это отнюдь не синонимы. Вожди меняются, а народ, страна, как известно, остаются...

Вспоминаю популярную некогда песню наших космонавтов: На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следы...

Стихи песни написаны гражданином ФРГ Владимиром Войновичем. После изгнания автора текста из нашей страны (он написал ее, будучи гражданином СССР) песня эта звучала

В конце мая Союз кинематографистов СССР восстановил в своих рядах Александра Галича, отменив тем самым несправедливое прежде исключение. На вечере памяти Галича, который состоялся в Доме кинематографистов, с воспоминаниями, рассказами, стихами

выступили Ю. Ким, Н. Богословский, Л. Агранович, М. Козаков, Н. Рязанцева, Б. Чичибабин, С. Лунгин, А. Макаревич (на фото). Артисты московских театров исполнили песни А. Галича, прозвучали и фонограммы песен в авторском исполнении.

некоторое время без слов, а потом и вообще перестала исполняться.

Я уже много лет мечтаю поставить фильм по книге Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Роман этот был сочинен Войновичем у нас, в России, но напечатать его в те годы оказалось невозможным. Роман опубликовали на Западе. Мне кажется, Владимир Войнович создал прекрасную книгу, которая, несмотря на изгнание, останется в истории нашей литературы, станет гордостью нашей словесности. Ценность книги в народности, в создании двух сочных национальных русских характеров — солдата Ивана и почтальонши Нюрки. Именно такие, как Чонкин — честные, добрые, отважные, — выиграли Великую Отечественную войну. Так что положительное начало, столь редкое в сатирическом жанре, представлено в романе ярко и выпукло. В книге, конечно, немало едких, язвительных страниц, которые сатирически разоблачают перерожденцев — руководителей района, псевдоселекционера-лысенковца (действие книги происходит в 1941 году, до войны и в ее начале), бериевских выкормывшей, от чьего произвола трепещет все население вокруг: ведь могут казнить, а могут помиловать. Автор высмеивает «выдвиженщину», всплески начальственного антисемитизма, бесхозяйственность и другие неприглядные явления сталинской эпохи.

Один из руководителей кинематографа, прочитав книгу, сказал мне:

— Эльдар Александрович, мне сейчас нужны куда более острые сценарии, чем эта книга.

И, действительно, мы сейчас у себя в стране, не стесняясь, говорим и пишем об очень печальных и страшных страницах нашей истории, кричим более откровенно о прежних и сегодняшних бедах, нежели это изображено в романе Войновича. Но не за остроту содержания я люблю «Чонкина» (хотя в книге полно «перца» и по нынешним меркам), а за то, как она написана, за ее художественность, за народный, превосходный юмор, за национальную самобытность. Однако поставить фильм по этому роману мне никак не удастся. «Закавыка» заключается в том, что книга издана не у нас, а на Западе. (Хотя я не понимаю, почему ее нельзя сейчас напечатать у нас?) А главное то, что автор лишен советского гражданства и живет в ФРГ. Конечно, я не политик и, может, чего-нибудь не понимаю, может, надо набраться терпения и подождать. Но я, признаюсь, не могу ждать, нет у меня лишнего времени. Мне уже перевалило за шестьдесят, я не имею права тратить годы на ожидание. Я написал не так давно горькое стихотворение, которое кончается строчкой:

Как раз на жизнь свобода опоздала!

Но в данном случае свобода не опоздала, а еще не пришла. А ведь фильм, над которым я начну сейчас трудиться, сможет выйти на экран только (!) через три года. Тут учитывается и написание сценария, и производство, и печать тиража. Неужели и тогда, через три года, будет все еще преждевременно? Неужели мы в глубине души не верим в перестройку и думаем, что это игра, которая скоро кончится?

Я написал Войновичу личное письмо, где рассказал о своем намерении. Автор откликнулся благодарным, очень теплым посланием. Прочитав кое-что из того, что мне пишет Войнович.

«...Родина мне всегда была дорога, и к разрыву с ней я никогда не стремился. По крайней мере семь лет после моего исключения из Союза писателей СССР я из последних сил противился могущественным силам, выталкивавшим меня за границу. В 1980 г. представитель этих сил объявил мне, что, если я не покину СССР в самое ближайшее время, будет сделано все, чтобы моя жизнь стала невыносимой. Но она уже и так была невыносима... К моменту моего отъезда все мои книги, киносценарии, пьесы и даже песни были полностью запрещены. Я, отец троих детей, был лишен какой бы то ни было легальной возможности заработать на кусок хлеба. Милиция постоянно угрожала мне обвинением в тунеядстве. Моя почта была почти полностью блокирована, телефон выключен... Я выехал в ФРГ в декабре 1980 года, а в июле 1981-го указом Брежнева был лишен советского гражданства «за действия, несовместимые...». Эти «действия» выражались в том, что ситуацию в СССР я оценивал как застойную и выражал надежду на приход нового поколения руководителей, которые приступят к серьезным реформам. У меня есть целый сборник статей, написанных в то время, которые подтверждают, что мои предсказания я не придумал задним числом.

Извините за все эти подробности, но я предполагаю, что Вы захотите ознакомиться с моим письмом еще кого-то, кто, может быть, имеет превратное представление о том, как я покинул Родину, что этому предшествовало и что за этим последовало.

Сейчас уже всем известно, что ситуация, в которой многие писатели, художники, музыканты, актеры и режиссеры вынуждались или к долгому молчанию, или к эмиграции, была создана людьми, ввергнувшими страну в состояние застоя. Я лично никогда этих людей с Родиной не отождествлял и всегда верил, что вопреки их усилиям мой скромный труд рано или поздно будет признан на Родине... К происходящему сегодня процессу оздоровления советского общества я отношусь положительно и не вижу причин, почему я должен стоять от него в стороне...

Мой роман о солдате Чонкине — книга глубоко русская, и я хочу, чтобы фильм по ней был снят в России, чтобы герои оригинала говорили по-русски...

Дело в том, что английская телевизионная фирма «Порто-белло» намеревается осуществить экранизацию книги Войновича, но тот, естественно, предпочитает, чтобы это случилось на Родине. А мы все никак не можем разродиться решимостью и решением.

«И тогда Чонкину, — заканчивает свое письмо Войнович, — придется, возможно, под развесистой западной клюквой изъясняться по-английски или по-немецки...»

У кого и когда появилась мысль использовать гражданство нашей Родины как жупел против инакомыслия, как разменную монету? Гражданством нельзя награждать, а лишением его — наказывать. В этом есть что-то недостойное нашего Великого Государства. Мне думается, пришло время, и надо способствовать возвращению советского гражданства тем, кто был неоправданно лишен его по произволу, незаконно, из-за чиновничьего самодурства, из великодержавной спеси и чванства. Понимаю, что не все смогут или захотят вернуться в СССР, ибо по-разному сложились судьбы изгнанных. Но это уже их дело. То, что было отнято, и отнято несправедливо прошлым правительством, должно быть возвращено нынешним. Причем, как мне кажется, это надо сделать без всяких условий, без требований покаяния и самобичевания. Великая страна должна быть великодушной.

Эльдар РЯЗАНОВ.